

Пушкин как христианин

Наталья Бородина,
директор
Пушкинской школы
г. Новомосковска
Тульской области;
награждена
медалью А.С. Пушкина

Поистине гениально сказал о Пушкине Н.В. Гоголь: «Это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет...» Автор «Мёртвых душ» вовсе не имел в виду, что через 200 лет появится «второй Пушкин», т.е. человек, по масштабам гениальности равный «солнцу нашей поэзии». Гоголевское пророчество требует от «русского человека» взглянуть на себя «через двести лет» глазами Пушкина, приблизиться к истинному пониманию его творческого наследия и его роли в нашей культуре, в нашей духовной жизни, в нашей истории.

До сих пор большинство наших современников считает Пушкина убеждённым атеистом, такое представление усиленно внедрялось в сознание людей не один десяток лет. Налицо (особенно в последнее время) и другая крайность — начинают культивировать легенды о «Пушкине в клубке». Что же на самом деле?

Пушкин и религия. Сопряжение этих слов — чем оно является? Может быть, просто некоторой данью моде? Наверное, не без этого. Но может быть, это как раз то, о чём говорил Гоголь: открытие истинного лица поэта?

Настало время осмыслить историю русской культуры, её сущность и её центральную фигуру — Пушкина — с точки зрения православной системы ценностей. Настало время понять и осмыслить, что художественные традиции и нравственные ценности русской классики «усваивались, как правило, за вычетом той духовной основы, какою было для неё (русской классики. — *Н.Б.*) православное христианство.

Для того чтобы это осмысление состоялось, в системе образования сегодня необходимо проделать очень серьёзную работу. Школьному учителю нужно заново перечитать Пушкина, переосмыслить страницы его биографии, открыть (сначала для себя, а потом и для своих учеников) духовный лик поэта, которого замечательный русский философ И. Ильин назвал «поэтом-Богоносцем».

Сегодня в этой работе школьному учителю уже есть на что опереться. Есть серьёзное научное пушкиноведение в лице Георгия Лескина, Валентина Непомнящего, Ивана Есаулова, Василия Морова, Ирины Юрьевой, Ирины Сураг и других известных пушкинистов, которые активно и глубоко осваивают духовный православный подтекст русской классики, развивая и идеи Владимира Соловьёва, Семёна Франка, Михаила Гершензона, Ивана Ильина, Василия Розанова...

В школе «православный подтекст» русской классической литературы (и шире — культуры) постигается очень медленно. Причин тому немало: и крайняя перегруженность педагогов-словесников, естественные последствия многих десятилетий жизни в «стране пустого неба», чисто психологическая трудность самого процесса перехода к новому («страх новизны») и наконец то, что сам Пушкин определял словами «мы ленивы и нелюбопытны».

Конечно, сегодня даже мы, выросшие во времена воинствующего атеизма, понимаем, что творчество Пушкина — богатейший источник христианской мудрости и христианской нравственности. Но это наше понимание в подавляющем большинстве случаев основано на интуиции, чувствах, ощущениях. Знание дают нам книги учёных-пушкинистов, с их помощью мы открываем для себя то, что до сего времени было тайной за семью печатями.

Вот только один небольшой, но очень яркий, на мой взгляд, пример. В стихотворении «19 октября 1827 года» (оно входит в школьную программу) мы читаем:

*Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурды, и в зрительской горе,
В краю худом, в пустынной море
И в мрачные пропасти земли!*

Из всего «божественного» наш слух, наше отлучённое от христианской культуры восприятие улавливает только слово «Бог». А «мрачные пропасти земли» в это стихотворение попали, как нам кажется, лишь потому, что среди лицейских друзей Пушкина были декабристы. Между тем это не просто стихотворение (такое открытие мы делаем благодаря книге И.Ю. Юрьевой «Пушкин и Христианство», вышедшей по благословению Патриарха Алексия II), это — стихотворная молитва за друзей юности. «Пушкин поддерживал своих осуждённых товарищей вовсе не политически, но христиански — молился о них»¹. Конкретный источник этого стихотворения — Литургия св. Василия Великого: «Помяни, Господи, иже

в пустынях... и пропастях земных...
1 плавающим сплавом, путешествующим шествуй... На судище, и в рудах,
Юрьева И.Ю. Пушкин и и в заточениях, и в горьких работах,
Христианство. М.: и всякой скорби, и нужде, и обстоянии
Издательский дом сущих помяни, Боже».

«Муравей», 1998. С. 15.

Оторвав стихотворение от его духовного источника, мы, безусловно, не можем постичь его глубинного смысла. Согласитесь, ведь это совсем разные, неравнозначные вещи: приветствовать друзей, слать им пусть даже самые наилучшие пожелания и — молиться за них, «молить Святое Провиденье»!

2 Там же. С. 247.

3 Там же.

У себя в Пушкинской школе мы часто слушаем музыкальный вариант этого замечательного стихотворения: романс нашего земляка А.С. Даргомыжского «Бог помочь вам, друзья мои». Мы по-новому воспринимаем знакомый нам пушкинский текст: как сердечный призыв поэта к Богу, моление о друзьях, как молитвенное призывание благословения Божьего на все их деяния и пути.

Конечно, это не вина, а беда наша: мы не видим, что одним из важнейших источников творчества А.С. Пушкина были священные тексты христианства — Библия, жития святых, слова литургического обихода, слова молитв...

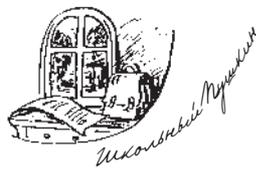
Человек пушкинского времени воспитывался на христианской культуре. Евангельские события, образы Ветхого и Нового Заветов, псалмы, молитвы — всё это «входило в духовный состав, в ментали-

тет человека пушкинского времени с той же необходимостью и естественностью, как кислород в состав воздуха»². И Пушкин чаще всего обращался к священным текстам, которые звучали на церковных службах. Соответственно, библейские цитаты в его поэзии легко узнавались читателями-современниками, ведь они были у всех на слуху. Нам же сегодня нужно заново открывать для себя «такого» Пушкина. Председатель Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН В.С. Непомнящий написал в послесловии к книге «Пушкин и Христианство», что «ныне мера религиозной необразованности и духовного невежества в обществе поистине не поддаётся описанию, знаменуя тем самым меру самоотрицания, в которое впала Россия...»³.

Многие ли из нас знают о том, что среди предков Пушкина — более сорока святых Русской Православной Церкви?! В их числе равноапостольная великая княгиня Ольга (первая христианка Руси!), креститель Руси Владимир Святой, благоверные князья Борис и Глеб, Муромские чудотворцы Пётр и Феврония, благоверный князь Александр Невский (предок А.С. Пушкина в 21-м колене)... В 1826 году, при восшествии на престол императора Николая Павловича, мать поэта Надежда Осиповна обратилась к нему с прошением за опального сына. Какой же день она для этого выбрала? 30 августа (ныне 12 сентября) — день почитания святого благоверного Александра Невского!

Род Пушкиных был освящён величайшей святыней христианского мира — частицей Ризы Господней, полученной в дар от первых Романовых. Александр Сергеевич Пушкин получил эту святыню (заклочённую в металлическую ладанку) из рук умирающего дяди Василия Львовича (частица Ризы Спасителя передавалась от старшего к старшему в каждом поколении); ежегодно 10 июля — в святой праздник Положения Ризы — Пушкин заказывал молебен перед этой Святыней и передал её потомкам (поэт завещал жене наказать старшему своему сыну — Александру — никогда не уклоняться от семейного обета).

Главной книгой человечества Пушкин считал Библию, собирался именно на ней воспитывать своих детей (читая её по-старославянски). Пушкин в те дни, когда Дантес готовился к свадьбе с Екатериной Гончаровой, с восторгом читал русское издание книги Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека». Читал её в рукописи, принесённой ему переводчиком С.Н. Дириным, родственником Кюхельбекера, страстным поклонником Пушкина. Поэт отозвался о ней рецензией в третьем номере «Современника»

за 1836 г.: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, — и такова её вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удручённые унынием, случайно откроем её, то уже не в силах противиться её сладостному увлечению и погружаемся духом в её божественное красноречие».

Исследователь творчества Пушкина В.Ю. Троицкий приводит ещё одну выразительную цитату поэта: «Мы все несём бремя нашей жизни, иго нашей человечности, столь подверженной заблуждению, — и это иго уравнивает всё; Христос велит взять его иго и бремя, которые помогут нам донести наше собственное до конца, если мы будем помогать ближнему поднять и нести иго, под которым он изнемогает. Весь закон в нескольких словах. Здесь только одна, единственная сила — любовь!» Таким образом, — делает вывод В.Ю. Троицкий, — он был не просто верующим, но и христианином в лучшем смысле этого слова»⁴.

Темой стихотворения А.С. Пушкина, написанного для экзамена за полный курс Лицея, была именно интересующая нас тема — веры и безверия. Называется стихотворение «Безверие» (датируется 1817 годом). В нём юноша Пушкин настолько убедительно и проникновенно описывает муки и трагическое положение «отпавшего веры сына», ум которого «ищет Божества, а сердце не находит», что всякий читающий или слушающий эти пушкинские строки должен был понять, что безверие — это «мученье», что ни истинного счастья, ни душевного покоя неверующий человек обрести не в состоянии. «Влияние Пушкина не есть прямое воздействие высоко нравственной личности, но воздействие его литературного гения»⁵, — считает Владыка Митрополит Антоний.

О религиозности Пушкина говорили его современники: «В конце своей жизни Пушкин был проникнут весьма живым и трепетным религиозным чувством» (П. Анненков); «Любимый со мною разговор его <Пушкина>, за несколько недель до его смерти, всё обращён был на слова: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человецех благоволение» (П. Плетнёв); «Пушкин постоянно и настойчиво указывал мне на недостаточное моё знакомство с текстами Священного Писания и убедительно настаивал

на чтении книг Ветхого и Нового Заветов»; «Пушкин никогда не был вольнодумцем, по крайней мере, не был им в последние годы жизни своей: напротив, он имел сильное религиозное чувство, читал и любил читать Евангелие, был проникнут красотой многих молитв, знал их наизусть и часто твердил...» (П. Вяземский).

До последнего времени само слово «молитва» было настолько пугающим и запретным, что оно изгонялось из пушкинских сборников и даже из собранных сочинений поэта: его стихотворение «Молитва» (точное и бережное переложение великопостной молитвы Ефрема Сирина — любимой молитвы Пушкиным, и нам больше известно как «Отцы-пустынники и жены непорочны».

Подчеркнём, что «из всех христианских молитв Пушкину более всего нравилась та, в которой христианином испрашивается полнота добродетелей»; та, которую (среди очень немногих) читают, стоя на коленях «с многочисленными земными поклонами!»⁶

Перед смертью поэт исповедался и причастился святых тайн в день памяти святого преподобного Ефрема Сирина.

Вообще кончина Пушкина, по утверждению Сергея Булгакова «озарена потусторонним светом». Перечитывая воспоминания современников о кончине великого поэта, приходишь к выводу о том, что «нравственный урок, данный им русскому народу на краю могилы, быть может, превосходит всё, что оставлено им в назидание потомству в его бессмертных творениях», что Пушкин «при своём закате... как солнце, стал лучше виден...»⁷.

Достаточно вспомнить отзыв священника, исповедовавшего и причастившего Пушкина перед его смертью, о том, что он «себе бы желал такой смерти».

«Как поэт — он родился сразу, как духовная личность — рос всю жизнь и всё стремился выше. Да и последние слова (а слова поэта — это дела его), сказанные В.И. Далю в мучительном состоянии по-

4

Троицкий В.Ю. Словесность в школе: Кн. для преподавателей русской филологии. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. С. 178.

5

Митрополит Антоний о Пушкине. М.: ТРИТЭ - Российский Архив, 1991. С. 6.

6

Там же. С. 23.

7

Митрополит Анастасий. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви // А.С. Пушкин. Путь к Православию. М.: Отчий дом, 1999. С. 181.

дусознания, не есть ли истинное состояние его духа: «Ну, подымай же меня! Пойдём, да выше, выше!..»⁸

И учитель непременно должен рассказать об этом школьникам, прочитав им воспоминания и письма тех, кто был рядом с Пушкиным — не только великим поэтом, но и великим человеком! — в последние часы его земной жизни: В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, В.И. Даля... (Они содержатся в сб. «Венок Пушкину». М.: Советская Россия, 1987; частично — в книге «Пушкин и Христианство» И.Ю. Юрьевой и других изданиях).

Обратим внимание на очень важный факт: долгое время считалось, что перу Пушкина принадлежит и ещё одна молитва — «Отец людей, отец небесный», т.е. поэтическое переложение молитвы Господней. Научное пушкиноведение нашего времени авторство великого поэта в данном случае отвергает; ни в одно из послереволюционных собраний сочинений Пушкина это стихотворение не входит (оно не печатается даже в разделе «Приписываемое Пушкину»).

⁸ пушкинский год оно неоднократно звучало по радио — как пушкинское; помещено как пушкинское в один из учебников-хрестоматий по литературе. А в 2003 году (в приложении «Литература» № 8 к газете «Первое сентября») была разработана программа урока по этому (якобы принадлежащему Пушкину) произведению. Учитывая все эти факты, мы и его

Наблюдение В.Ю. Троицкого // Словесность в школе: Кн. для преподават. русской филологии. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. С. 174.

⁹ Дунаев М.М. Православие и русская литература. М.: Христианская литература, 1996. С. 237.

¹⁰ Непомнящий В.С. Путь спасения. Христианство Пушкина: легенды и реальность. Труд-7. 1997. 11 июня.

включаем в число читаемых в нашей школе стихотворений, но при этом обязательно подчёркиваем, что научным пушкиноведением отрицается возможность написания его Пушкиным.

Мало кому из читателей известно, что среди неосуществлённых Пушкиным замыслов были драмы об Иисусе и переложение книги Иова, что он читал и перечитывал жития святых и перевёл с церковно-славянского языка на русский житие святого Саввы Сторожевского, ученика преподобного Сергия Радонежского.

Перед чтением «Странника» мы напоминаем детям известные строки Евангелия от Матфея: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие

идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф 7: 13–14). А знакомя со стихотворением «Чудный сон мне Бог послал», обязательно подчёркиваем, что заключительная «молитвенная» часть стихотворения представляет собой переложение молитвы Иоанна Дамаскина, которая входит в вечернее молитвенное правило, т.е. читается ежедневно перед сном.

«Можно ли проще, точнее, совершеннее выразить состояние души в предощущении близкого завершения земного бытия? Страх, надежда — и призывание помощи Божьей. И полное приятие Его воли:

*Но Твоё да будет воля,
Не моя.*

Это дословное повторение слов Спасителя в Гефсиманском саду (Лк. 22,42)...

И вслед за этим растворением в воле Господней — вопрос, в котором сосредоточена вся энергия ожидания на вопрос важнейший:

Кмо такь идем? ..

Вот сейчас раскроется последняя тайна...

Промыслом Божиим Пушкину определено было обретение ответа — в предчувствованный (и предсказанный?) момент кончины»⁹.

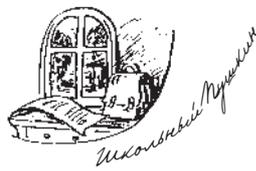
Да, в биографии великого поэта есть немало фактов, убедительно говорящих о нём как о христианине. И факты эти и нам, и нашим ученикам должно знать. Но не только и не столько это важно!

Вопрос о личном исповедании, личной вере Александра Сергеевича Пушкина не может и не должен подменить вопроса об объективном религиозном смысле его творчества и его вкладе в православную культуру! Это чрезвычайно важно!

Главный интерес для нас должен представлять духовный путь великого поэта, его ценностный мир, столь полно выразившийся в его творческом наследии.

В.С. Непомнящий констатирует: «Несмотря на то, что наше пушкиноведение накопило гигантский объём знаний о поэте, оно всё равно по нынешний день не смогло выработать целостного представления о Пушкине как о феномене православной христианской культуры»¹⁰.

Однако профессиональные пушкиноведы, в том числе и прежде всего сам В.С. Непомнящий, могут многое подсказать школьному учителю. Материал достаточен, чтобы самому понять (и почувствовать) самое важное в этой теме.

Мы сознательно оставим за рамками статьи анализ отдельных произведений А.С. Пушкина, в том числе и явно «духовных» («Пророк», «Памятник», каменноостровский цикл стихотворений 1836 г.); попытаемся лишь рассмотреть проблему концептуально.

Вопрос о духовном пути Пушкина очень сложен. Вовсе не стоит говорить о том, что он был православным поэтом, т.е. поэтом, который пишет стихи на православные темы. Пушкина нельзя назвать ни религиозным, ни духовным писателем: он не перелагал псалмов, не размышлял в стихах, как М.В. Ломоносов, «о Божием величии», не писал, как Г.Р. Державин, религиозных од, напротив — он воспитывался в духе европейского Просвещения, скептицизма и материализма, в молодости писал о своём безверии, был автором «Гавриилиады» и задумывался о «правдоподобии» атеизма.

Как совершенно справедливо утверждает В.С. Непомнящий, «разумеется, всё было бы понятней, если бы речь шла о деятеле, глубоко и ортодоксально верующем, благочестивом, вдохновлённом высокими религиозными убеждениями и целями; правда, в таком случае мы, может быть, имели бы дело более с проповедником, нежели с писателем, — удалось ли бы ему сделать для России то, что сделал Пушкин, чьё художественное мышление — христианское по самой структуре, чей художественный мир, вопреки сложностям личной духовной биографии автора, сам по себе пронизан светом божественной Правды?»¹¹ Учёный утверждает, что Пушкин «...более чем православный поэт. Пушкин — великий поэт, у которого душа-христианка. И это в нём выражается гораздо более глубоко и остро, чем у православного поэта, который излагает в стихах догматы. Пушкин не излагает догматы — он чувствует по-христиански и это своё чувство выражает»¹². Другими словами, система его ценностей генетически связана с православием (вместилищем и источником загадочной для всего мира «духовности» русской культуры).

Пушкин мыслил в категориях православия, страдал по-христиански, хотя мы знаем, что в какой-то период он вообще считал себя неверующим человеком. В том числе, как подчёркивает В.С. Непомнящий, и тогда, когда писал трагедию «Борис Годунов» — произведение, которое могло быть написано только глубоко верующим православным человеком. (Правда, относительно неверия Пушкина в 1825 г. с учёным можно и поспорить, ибо в период написания «Бориса Годунова» Пушкин как раз и пришёл к религии.) Ничто не говорит о том, что он

считал себя неверующим. Ибо «Борис Годунов — это произведение о том, как «сама Высшая правда вмешивается в дела людей», здесь создан потрясающей силы образ — летописец Пимен, «который видит и оценивает всё происходящее в жизни не со своей пристрастной «точки зрения», а в беспристрастном свете Божьей правды»... который и сам грех понимает как отступление от этой правды, от её света, во тьму... Словами Пимена установлена у Пушкина «точка отсчёта» в изображении человека и его поведения в мире — Высшая правда.

Как не повторить вслед за Непомнящим: «Драматизм личного пути Пушкина особенно ясно доказывается, что он делал своё дело, исполняясь не своей волей, повинаясь «велестью Божью»; в этом смысле миссия, совершаемая через Пушкина, — дело Промысла, который, говорит Гоголь, «лучше печётся о человеке, нежели сам человек»... Он самый изысканно светский из русских писателей, а тексты его, как не раз замечалось, занимают в светской культуре место, по рангу сопоставимое с сакральным»¹³.

Сам принцип отношения Пушкина к людям был воистину христианским. Он замечательно сформулирован в известном стихотворении «19 октября 1825 года»:

Не помня зла, да благо вообразил.

Да, к христианскому учению, к Евангелию как источнику высшей мудрости Пушкин обратился лишь в конце 20-х годов (хотя обращался к нему ещё в Кишинёве и в Михайловской ссылке), однако милосердие («дух благоволения») присуще Пушкину на протяжении всей его сознательной жизни. В ценностной системе великого поэта это качество было ценностью высшей и доминирующей. Ведь что есть «милость к падшим», которую Пушкин ставит себе в заслугу в своём итоговом стихотворении? Это христианское милосердие («в человецех благоволение»): прощение обиды, прощение вины, снисхождение к человеческим страстям и слабостям, даже... к преступлению! Сострадание самому грешному («Нет истины, где нет любви!»).

11

Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. Книга о Пушкине. М., 1999. С. 468.

12

Записано со слов В.С. Непомнящего на лекции «Странный поэт Пушкин», прочитанной в Российском фонде культуры 8 января 1999 г.

13

Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. Книга о Пушкине. М., 1999. С. 468, 470.

Видный пушкиновед Георгий Александрович Лесский утверждает: Пушкин был убеждён, что «нравственное чувство» (совесть) исконно присуще всякому человеку, хотя оно и может быть подавлено тёмными страстями, ложными представлениями, дурными привычками и т.п.». И эту исходную позицию нравственного мира человека нужно обязательно всегда иметь в виду как при анализе поведения и психологии пушкинских эпических персонажей, так и при определении авторского к ним отношения, чтобы не смущаться «снижательным» отношением Пушкина к тем, кто подчас обременён и раздавлен тяжёлыми грехами.

Не случайно ведь такие сильные духом и совершившие «много зла» герои Пушкина, как Борис Годунов, старый Барон, Дон Гуан, — все говорят о муках совести. Даже Сальери плачет, убивая Моцарта, даже спесивый Троекуров едет мириться с обиженным Дубровским... Борис Годунов преступен, но и глубоко несчастен, он и знает свою вину, и катастрофически её не понимает, и помнит Бога, и хотел бы обойтись

¹⁴ без Бога. Анджело, добывающийся Изабеллы, сознаёт свою бесчестность и в финале говорит, что заслужил смерть. «Ценностная система, которую выработал для себя Пушкин и власть которой он по внутреннему долгу признавал над собою на протяжении всей своей сознательной жизни,

была им самим определённым образом ИЕРАРХИЗОВАНА: недаром он в своём «Памятнике» на первое место поставил «чувства добрые», т.е. гуманное отношение к людям, готовность не только не нарушать интересов других лиц ради собственной выгоды, но и активно делать добро людям даже вопреки собственной выгоде»¹⁴. Белинский подтвердил это суждение Пушкина о своей поэтической деятельности, сказав, что «придёт время, когда он будет в России поэтом классическим, по творениям которого будут образовываться и развиваться не только эстетическое, но и нравственное чувство»¹⁵.

Не случайно Ф.И. Тютчев в стихотворении, написанном на смерть великого поэта, назвал Пушкина «Богов орган живой». Известный философ Иван Ильин призывает слышать эти слова «с трепетным

сердцем» и понимать так: «Ты был живым органом Господа, Творца всеяческих»...

Пушкин был обыкновенным смертным человеком, как все мы. Его жизнь часто не соответствовала внешним и внутренним признакам христианского благочестия. Не случайно во многих своих богооткровенных стихотворениях Пушкин горько оплакивал свою внутреннюю нечистоту, каялся в ней. (По меткому выражению В.С. Непомнящего, Пушкин мучительно «выдавливал из себя уроки Вольтера и Парни, роскошно воплощённые им когда-то в «Гавриилиаде», по каплям, как Чехов, «раба»¹⁶). Раскаянием проникнуты воспоминания и элегии поэта. С особой пронзительностью и это недовольство собой, это глубокое раскаяние звучит у Пушкина в стихотворении «Воспоминание», написанном в мае 1828 г. (накануне 29-летия). Особенно показательным в этом отношении его стихотворение «На день рождения» («Дар напрасный...»). И оно тоже написано Пушкиным в день 29-летия — 26 мая 1828 года. Поэт подводит итог прожитым годам. И этот итог ему кажется печальным, безысходным: «цели нет», «сердце пусто», «празден ум», тоска. Свои стенания и упрёки-вопросы он обращает к Небу.

Мягущемуся поэту ответил святитель Филарет, митрополит Московский (в наше время прославленный в лике святых). Отвечая Пушкину, святитель обращался к миллионам — и современникам своим, и потомкам. Святитель знал великую силу искусства, хорошо понимал, что оно способно подчинить себе человека, оно заразительно. (Вспомним известное определение искусства, данное Львом Толстым: «Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно известными внешними знаками передаёт другим испытываемые им чувства, а другие заражаются этими чувствами и переживают их».

Отвечая Пушкину, церковный владыка избрал ту же форму, ту же лексику, что и поэт, так же написал от первого лица, но при этом каждому пушкинскому тезису он противопоставил антитезис.

Он говорит «не от себя, но от Церкви, от Православия, смиренно присоединяясь к воспринимающим учение церковное».

19 января 1830 г. Александр Сергеевич ответил на увещание святителя стихотворением «Стансы», где искренне раскаивается в том греховном состоянии, из которого родился «Дар напрасный...»; проникновенно говорит о целительной силе слова владыки, правильно понимая источник этой силы.

Лесский Г.А. Пушкинский путь в русской литературе. М.: Художественная литература, 1993. С. 127.

¹⁵ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. VII. М., 1953. С. 579.

¹⁶ Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. Книга о Пушкине. М., 1999. С. 412.

Конечно, жизненный путь Пушкина отнюдь не был путём праведника. Архимандрит Константин (Зайцев) совершенно справедливо пишет: «Как всякий человек, Пушкин из сокровища сердца своего извлекал и доброе, и злое...»

Но Александр Сергеевич Пушкин — смертный человек — гений, олицетворяющий собой русскую духовность, христианское представление о ценностях. Качества человеческой души как христианской наиболее точно, адекватно выражает русская культура, в центре которой — Пушкин.

В поэзии сохраняются духовно-нравственные ценности народа. Литературное произведение — это прежде всего феномен духовный. Как справедливо и образно отмечал А. Эшай, «искусство отличается от факта на величину души художника». Вот почему так важно, чтобы наши дети взяли с собой Пушкина в начавшийся XXI век. Пушкина — поэта с христианской душой; поэта, написавшего: «Веленью Божию, о Муза, будь послушна»; Пушкина — человека, жизнь которого была полна заблуждений, падений, искушений, мучительных исканий, страстей и искреннего покаяния, «духовной жажды», искренней устремлённости к высшему просветлению — «сионским высотам», и горького сожаления о том, что для него они недостижимы (Напрасно я бегу к Сионским высотам, / Грех алчный гонится за мною по пятам... / Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий, / Голодный лев следит оленя бег пахучий); Пушкина, жаждавшего жить «в соседстве Бога».

Правильно и горько ставит вопрос методист Московского института развития образования Г.П. Лазаренко: «Умеет ли современный учитель, знакомящий питомцев с мирской и творческой биографией поэта, выйти на глубины духовной биографии, на «подземный рост души» (Блок), ибо творения поэта — результат именно этого процесса».

Именно духовная биография Пушкина, его понимание ценностного мира откроют нам истинного Пушкина. И тогда на первый план выйдут произведения великого поэта — если говорить, например, о стихотворениях, — которых сейчас — увы! — не найдёшь в школьной программе: «Безверие», «Воспоминание», «Дар напрасный, дар случайный» (трагическое размышление светлого человека!), «Стансы» («В часы забав и праздной скуки...»), «Монастырь на Казбеке», «В начале жизни школу помню я», «Странник», «Чудный сон мне Бог послал», «Напрасно я бегу к Сионским высотам».

Специалисты утверждают, что одним из наиболее часто употребляемых слов в классической русской литературе было слово «душа». (Сразу вспо-

минаются «души прекрасные порывы», «душе настало пробужденье», «духовной жаждою томим»...)

К сожалению, в нашей теперешней очень немилосердной по отношению к человеку жизни слово это если и употребляется, то чаще в выражении «на душе кошки скребут». Душа современного человека подавлена, загнана, незащита.

Конечно, светлые, сильные души выстаивали во все времена, выстоят и теперь. Но где та сила, которая поможет каждому человеку пережить бесчеловечное время, сохранить свою живую душу, свою духовность?

Во все времена этой великой силой были и остаются вера, надежда и любовь. А их несёт христианство, их несёт истинное искусство (о котором известный художник В.М. Васнецов красиво и точно сказал: «Искусство — это свеча, зажжённая перед ликом Божиим»).

Такою «зажжённой перед ликом Божиим» свечой видим мы творческое наследие Пушкина. И для того чтобы это в нём почувствовать и увидеть,

17

Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. Книга о Пушкине. М., 1999. С. 476.

18

Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина // Пушкин: Суждения и споры. М., 1997. С. 295.

на книжной полке учителя сегодня должны появиться сборники «Пушкин в русской философской критике» (сост. Р.А. Гальцева), «А.С. Пушкин: Путь к православию» (сост.

А.Н. Стрижев), «Дар. Русские священники о Пушкине» (сост. М.Д. Филли и В.С. Непомнящий), «Христианская культура. Пушкинская эпоха» (редактор-составитель Э.С. Лебедева), «Духовный труженик. Пушкин в контексте русской культуры»; книги Г.А. Лескиса «Пушкинский путь в литературе», Б.А. Васильева «Духовный путь Пушкина», И.Ю. Юрьевой «Пушкин и Христианство», И.А. Есаулова «Категория соборности в русской литературе», В.С. Непомнящего «Поэзия и судьба: Над страницами духовной биографии Пушкина». Эти книги помогут нам открыть для себя «изумительную духовную реальность, носящую имя — Пушкин» (С. Франк).

Время для этого пришло.

Со всею возможною для нас сердечною силою мы берёмся утверждать, что сегодня, «чрез двести лет», «Пушкин России нужен, по слову другого поэта, «не ради славы — ради жизни на земле»¹⁷. «Иметь такого поэта и пророка — значит иметь свыше великую милость и великое обетование»¹⁸.